

Леонид Кунаев

Дополнение к воспоминаниям

Я хочу, чтобы ты никогда не забыла, Россия,
Что когда-то и ты началась с деревень.

Сергей Викулов

Давно хотелось рассказать о том, как проводили религиозные праздники в деревне.

В рождество собирались у Присмотровой Пелагеи Прокопьевны, тёти Поли. Её мама, баба Катя, сильно заикалась и поэтому говорила медленно, пела.

Говорили, что в детстве она пела в церковном хоре, у неё был красивый церковный голос. Она знала много церковных песен, знала, как надо гадать. Обычно собиралось около

десяти женщин. Моя мама тоже брала нас с собой, потому что дома оставить не с кем, да и нам интересно было. В тарелку каждый клал какой-нибудь предмет: пуговичку, колечко, или что-нибудь подобное. Тарелка накрывалась платком и гадание начиналось. Баба Катя запевала. Она знала слова гаданий и все слушали её. Слова были примерно такие: «Скреблась курочка под окошком, выскребла золотое колечко, кому выпадет - тому повезёт».

Тарелка встряхивалась, и через платок ловили предметы. Чей талисман попадался - тот радовался. Значит, жить будет богато целый год. Но были и такие слова: «Как новый год, да сосновый гроб». Кому выпадало это, целый год ждал покойника в доме. Куплетов было много, на все случаи жизни: кто в армию пойдёт, кто из армии придёт, кому замуж предстоит выйти и так далее.

Гадание проходило за большим столом, за которым помещались все десять человек. Надо было сидеть тихо, пели монотонно, вполголоса, поэтому я никогда не видел, когда это всё заканчивалось, так как засыпал у матери на

колених. Где-то около полуночи мать меня будила, и мы шли домой, жили мы через улицу и не помню, то ли я сам шёл, то ли мать несла меня на руках.

За нашим огородом было колхозное гумно. Это было здание длиной около 30-35 метров и шириной 10-15 метров, крытое соломой. Здесь осенью молотили и сортировали зерно. Молотилку крутили вручную и кидали туда снопы. В одну сторону выходила солома, а в другую - зерно. Рядом стояла сортировка, где сортировали зерно. Крутить её доверяли нам, пацанам. Я подробно пишу про гумно потому, что почти всё детство прошло там. Была там ещё льномялка, в которую мой брат Володя сунул пальцы, а кто-то крутанул её. Пальцы измяло. Так вот, в этом гумне гадали молодые митинские девки.

Мы с соседом Вовкой учились уже в 4 или 5 классе, и кто-то подслушал девчачий разговор о том, что сегодня в полночь девки пойдут гадать на гумно.

Гадание состояло в том, что в приоткрытую дверь надо было просунуть зад. Если погладит,

значит, муж попадёт добрый, а если стукнет палкой, значит, всю жизнь будет бить. Мы с Вовкой заранее запаслись вичкой и пошли на гумно. До полуночи было ещё долго, и мы зарылись в солому, лежащую в углу, и стали ждать. Ждали мы, видимо, долго, часов не было, и мы уснули. Проснулись от того, что кто-то хлопнул дверью и засмеялся. Потом всё стихло. Мы тихонько вылезли из соломы. Дверь была приоткрыта и подперта палкой. А надо сказать, что на рождество ночи бывают лунные, даже тени бывают на снегу. Тихонько подкравшись к дверям, услышали шёпот: «Ты первая, давай!» И затем в двери показался чей-то зад в пальто. Вовка что есть силы хлопнул вичкой по пальто, девушка взвизгнула, конечно, не от боли, а от испуга. Никто не мог подумать, что кто-то в самом деле может стукнуть или погладить. У второй - Вовка погладил. Я стоял в углу, не шелохнувшись и не дыша. Тут девушки заговорили: «Да этого же быть не может! Кто-то тут есть!» и зашли в гумно. Вовку подмяли под себя сразу, отшлёпали и отпустили, а я стоял в углу и молчал. Потом они все ушли. Вовка меня

не предал. Ну и я не буду предавать тех девчонок. Они живы и здоровы, живут далеко от нас, у них добрые мужья. Скажу лишь, что Вовка умер совсем молодым, в 29 лет. Это был мой сосед, сын Присмотрова Александра Николаевича, фронтовика. Случилось это так.

В 1975-80 годах хлеб подешевел, в столовых лежал нарезанный на столах в тарелочках, бесплатный, ешь, сколько хочешь. Люди брали 2-3 стакана чая, стакан чая тогда стоил 3 копейки, и наедались. После работы все считали своей обязанностью купить хлеб. На один рубль давали семь буханок. Люди, познавшие голод, всегда старались сделать запасы, чтобы не видеть больше такого. Вот и тут такое же дело. Дома хлеб нарезали на ломтики и сушили на плитах. По несколько мешков сухарей имела каждая семья. Я только пришёл с работы, разделся, тут вбегает соседка и кричит «Пожар!» Горел дом соседа Присмотрова А. Н. Я как был в одном трико, так и выбежал. Вовку я нашёл во второй комнате лежащим на полу по пояс голым. Схватил за ноги и выволок его в сени. Кожа со спины

осталась на пороге, но он был ещё жив. Пока мы тушили пожар, он умер. Оказывается, они тоже сушили хлеб на плите, печь раскалили добела, а на печи лежала замасленная телогрейка. Она вспыхнула первая, от неё уже потолок и стены. Дом мы всё же отстояли, стоит до сих пор, хотя построен был ещё в финскую войну. По-моему, после этого случая хлеб перестали сушить.

Я отошёл от темы. Про гумно. Много воспоминаний связано с ним. Там каждую осень молотили лён. Уже с утра был слышен стук вальков по снопам. Мы ходили смотреть, как молотят (почему-то бабы говорили: «колотят») лён. Из домов выносили несколько скамеек и уносили на гумно. Каждая женщина шла с вальком, которым стирали бельё на колоде. Одной скамейки хватало для двух женщин. Сноп льна клали на скамейку и били вальком по головке льна. Семена сыпались на утрамбованный глиняный пол. Всё. Пустой сноп выкидывался в одну сторону и сразу брался другой. И так целый день. Гумно было за нашим огородом, так что слышно было даже дома. После окончания полевых работ все сортировки

и молотилки закрывались в склад, а гумно оставалось нам, детям. Вот уж было где поиграть! В углу на соломе мы валялись, боролись. Пол был глинобитный, здесь играли в городки.

Чем старше становимся, тем чаще посещают нас воспоминания. Моё детство пришлось на начало пятидесятых годов. Страна только вставала на ноги после войны, мы рано познали взрослую жизнь. Покупных игрушек я вообще не помню. Все игрушки мы делали сами, рано научились владеть топорами, ножовками. Городки тоже делали сами. Ходили в лес, срубали несколько небольших берёзок и приносили их в деревню. Делали ходули, сабли, мечи, даже самокаты. До февраля мы играли на гумне. Постепенно дорогу туда заметало, и мы переходили играть на улицу.

На краю деревни находился лог, заросший ивняком. В детстве он был ещё чистый, никакого ивняка там не было. Девчонки катались с края лога на санках, а мы «сопки занимали». Игру эту мы придумали сами. Делились на две команды, примерно по пять человек, одна команда

поднималась на край лога, а другая оставалась внизу. Надо было нижней команде выбить верхнюю и занять её место и наоборот. Играли дотемна, одежда стояла колом, только тогда шли по домам. Дома старшие братья меня спрашивали: «Что, опять сопли занимали?» Одежда вешалась на печку, иногда до утра даже не высыхала. Не помню, чтобы кто-то болел гриппом или насморком. Кашляли сильно, кашляли так, что, наверное, куски бронхов вылетали из горла, но температуры никогда не было.

В одном углу дома был сделан топчан из досок, на нём был матрац из соломы. Там лежал больной отец. Стены не были оклеены, в сильные морозы этот угол промерзал насквозь, был белый от инея. Мы, дети, все спали на полатах, там было тепло. Наверное, мы все перенесли фурункулёз, но это не от холода, а от нехватки витаминов. Дом был очень старый, и уже году в 1958-59, после смерти отца, мы решили строить дом. Нам выделили трактор, тракторист был Кузь Миша из Чульчопи. К вечеру привезли полные сани брёвен, сели за

стол. Как и полагается, с устатку маленько выпили. Кузь Миша, когда начал уезжать домой, выпросил ещё один стакан самогонки. «Подорожный» - как он сказал. Ему подали. Где-то около деревни Кляпово он упал в силосную яму, и сломал трактор. Председатель колхоза больше нам трактор не дал, брёвен хватило только на баню. А Кузь Миша ходил по деревне и хвастал, стуча себя в грудь:

«Во у меня грудь! Грудь выдержала, а руль сломался!» Трактор был марки «ХТЗ НАТИ», руль у него был чугунный. Дом мы построили уже только после того, как я закончил училище. Никакого опыта строительства ни у одного из нас не было, поэтому часто приходили помогать пожилые митинские мужики. Когда начали делать стропила, пришёл Елсуков Миша. Никто его и не звал, он пришёл, чтобы помочь нам, молодым. Помню его жёсткую седую сантиметровую щетину, мосластые руки. Пальцы были опухшие, наверное, болели. Всё равно, он нам помог, деньги не взял, выпил стакан водки, закусил и ушёл.

После школы часто ходили смотреть на лис. Через дорогу напротив нашего дома был лисий двор. Было их около двадцати штук, один лисовин, он выделялся ростом, был более мощным, чем остальные. Утром деревянную дверь открывали, а проём закрывали сетчатой рамой. Мы, ребятня, смотрели на них сквозь эту железную сетку и часто прилепляли языки и губы. Кожа оставалась на сетке, из губы шла кровь. Приходилось уходить домой. Кормила их хохлушка Матрёна, в деревне звали её Митиха, потому что жена Мити. Кормили мучной мешанкой с картошкой. Много пропадало ягнят, их тоже скармливали лисам, предварительно сняв с них шкуру. Шкуры снимал глухонемой Володя, после сушки их сдавали, каракуль ценился больше, чем шкуры взрослых овец. Они были кудрявые, их пускали на воротники и шапки. Запах псины разносился далеко вокруг от лисьего двора. Однажды Митиха пошла кормить их и не нашла. Лис осталось штук пять. Оказывается, ночью они сделали подкоп, пола во дворе не было, и убежали. Мужики верхом на лошадях уехали их искать в разные стороны,

привезли двух или трёх, больше не нашли. Они все передохли. Охотники затем находили останки этих лис. Остаток лис уничтожили и закрыли двор. Говорили, что одной лисьей шкурой хватало платить годовой налог, такие ценные они были.

В середине лета по домам ходил уполномоченный, проверял, кто держит поросят, записывал. Осенью шкуру свиньи надо было сдать. Мои старшие братья называли его «Упал на моченный». Палить свиней было строго запрещено, из их шкур шили сапоги офицерам. Целый день хватало обрабатывать одну свинью, и ещё вечером шкурку расстилали на полу дома, мне давали деревянную лопатку и я, ползая на коленях, по этой шкуре сдирал с неё остатки сала. Некоторые соседи умудрялись увозить заваленную свинью в лог, там разводили костёр и палили её нагретым добела железом. Если уполномоченный спрашивал про шкуру, ему отвечали, что свинья подохла ещё летом.

В марте, где-то к середине, заканчивалось сено. К этому времени становился крепкий наст. Он выдерживал даже лошадей. Рано утром, часов

в пять, а иногда ещё раньше, ходили «воровать» совхозную солому. По насту носили несколько нош соломы, прячась от соседей. Соседи, в свою очередь, прятались от нас, как будто бы кто-то донесёт совхозному начальству. Надо было любыми путями выкормить корову до весны. Некоторые хозяева подвешивали корову верёвками под животом, лишь бы она стояла на ногах. Дело в том, что сенокосных участков не выделялось, приходилось заготавливать корма под кустиками, ночью, после работы. Сено носили на плечах, верёвками. Немногие накашивали на всю зиму. Весной, когда выводили коров на луга, некоторые из них еле стояли на ногах, раскорячив их в стороны и качаясь вперёд-назад. Некоторые стояли на коленях. Но за неделю наедались, и ходили по лугу спокойно.

В марте ребятня выходила играть на снег. Катались кто на чём; на санках, на лыжах, у некоторых был сделан лоток. На широкую заострённую доску длиной около метра намораживаешь лёд, устанавливаешь на неё ящик и всё, лоток готов. Иногда с конного двора

брали сани, предварительно отцепив от них оглобли. Сани толкали на горку под названием «балалайка». Я спрашивал у матери, почему она так называется. Оказывается, хоть как её паши, хоть в свал, хоть в развал, всё равно остаётся треугольник, похожий на балалайку. Во время войны мама пахала на лошади всю эту гору одна. А в ней тридцать восемь гектаров. Так вот, в эти сани садились десять человек и катились в сторону Понино. Сани вывозили даже за реку. Иногда мы их там же и оставляли. Утром мужики, матерясь, привозили их обратно.

Я начал свой рассказ с гумна, и закончу гумном. Весной приходила пасха, взрослые парни налаживали на гумне качели. К переводу на верёвках привязывалась доска метра три длиной. На неё садились до десяти ребят. По обеим концам доски стояли парни, которые раскачивали качели. Раскачивали так, что качели взлетали до крыши. При этом ещё пели песни, например, «Широка страна моя родная», - которую мы тут же переделали на «Сирота страна моя родная...». Толя, брат мой, ругал меня за это, говорил, что могут посадить родителей,

так петь нельзя! Если они пели, например «Шли лихие эскадроны приамурских партизан», мы, не зная и не понимая слов, пели «Шлили хили...», а «Штурмовые ночи Спасска» пели: «Штурмовые ночи пасхи». Качались по очереди. Уходя домой, оставляли на качелях покрашенное в луковой шелухе пасхальное яйцо. Говорили, что это гуменнику. Утром я приходил туда раньше всех и ни разу не находил там яйца. Тогда шёл к своей крёстной матери, вставал у дверей и ждал, когда мне дадут яйцо.

... и так, мой друг, от каравая жизни отрезал я ещё один ломоть (О. Поскрёбышев).

Пословицы и поговорки.

Ума - два гумна, да баня без верху.

У дурака что на уме, то и на гумне.

У богатого гумна и свинья умна.

Не купи гумна, купи ума.

